

Помыв руки, он сел на диван и принялся доедать маленькие помидоры черри, на которые раньше не находилось времени. Щеки его раздувались, словно у хомячка.

Су Чангэ даже не подозревал, что манера, в которой он ест, полностью попала в поле зрения другого человека.

— Доброе утро! — раздалось сзади.

Мо Вэйшэнь вышел в спортивном костюме. В таком наряде он казался минимум на пять лет моложе, чем в костюме.

— Доброе утро! — Су Чангэ потянулся.

— Пойдем бегать! Вместе! — голос его ранним утром еще сохранял сексуальную хрипотцу. Он был подобен ходячему тестостерону, и даже Су Чангэ не мог не застыть на миг, ослепленный.

— Не буду, — он ущипнул себя за бок. Нет, лучше уж нет. Спорт и фитнес — на тот случай, если совсем взбредет в голову свихнуться!

Мо Вэйшэнь не стал настаивать. Уловив в воздухе тонкий сладковатый аромат, он ощутил в душе давно забытую теплоту.

— Как вкусно пахнет!

Су Чангэ даже бровью не повел:

— Неудивительно, посмотри, кто готовил! Тебе действительно повезло! — это была искренняя похвала. В нынешние времена он редко брался за кухонную утварь.

— Хочу попробовать, — произнес он с двойным смыслом, и в глазах промелькнула искра.

Су Чангэ намеренно проигнорировал двусмысленность его слов, сделав вид, что не понимает. Не то чтобы от забот стало меньше, просто теперь, когда душа была легка, при виде доброго солнечного света так и клонуло в сон.

Поставив таймер на час — через час булочки с луком нужно было ставить на пару, — он устроился на диване, совершенно игнорируя присутствие посторонних, и задремал. Мо Вэйшэнь, глядя на то, как тот без всякой осторожности лежит на диване, внезапно ощутил странный прилив чувств.

Су Чангэ уснул мгновенно. Не зная, сколько времени прошло, он почувствовал щекотку на лице и странное тепло. Голова кружилась, словно после такого сна ему было хуже, чем без него. Будто рассудок раскалывался от боли.

Медленно открыв глаза, он вдруг... округлил их до предела.

Шея его резко дернулась назад — хруст!

— Ай! — лицо Су Чангэ скривилось. Шею свело!

Теплые крупные руки начали нежно разминать её.

Боль от смещения утихла. Су Чангэ тотчас разозлился:

— Ты чего здарсьте? Ты же на бег ушел! Зачем здесь стоишь, как терракотовый воин, до смерти пугаешь?!

Невозможно описать состояние, когда открываешь глаза и видишь прямо перед собой увеличенное в масштабе чье-то лицо.

— Я уже вернулся с пробежки, увидел, что ты все еще спишь, и перенес тебя на кровать, — его тон был совершенно обыденным.

Только тут Су Чангэ заметил, что на Мо Вэйшэне уже белая рубашка, расстегнутая на две пуговицы и обнажающая идеальный изгиб тела. Получилось так, что он незаметно переместился с дивана на кровать.

И этот мужчина — на кровати.

На лице Су Чангэ смена метаний отразилась в виде явной настороженности.

Только он пошевелился, как в шее снова прострелила острая боль.

— Не двигайся! — Мо Вэйшэнь не принял возражений, удерживая его в нужном положении и с силой разминая мышцы, помогая им расслабиться.

Солнечное утро, два высоких мужчины на одной кровати. Взгляд полный нежности и тепла — любой другой на его месте давно бы угодил в эту нежную ловушку.

— Почему ты уже вернулся, а мой будильник не прозвенел?! — Су Чангэ вдруг вспомнил что-то важное и вскакивал с кровати, собираясь босиком бежать на кухню. — Плохо дело, моя каша!

Мо Вэйшэнь прямо тут же прижал этого импульсивного парня к себе:

— Я уже выключил огонь! Ты взрослый человек, почему до сих пор такой суетливый!

Су Чангэ моргнул, осторожно посмотрел на него, потом снова моргнул, приняв невинный вид:

— Эй!

— Что?

— Ты не можешь отодвинуться подальше? — Су Чангэ почувствовал, что ситуация сейчас складывается не очень.

Этот мужчина сидел верхом на его ногах. Наклонившись, он был так близко, что Су Чангэ ощущал исходящий от него легкий аромат, очень свежий, и сердце его пропустило удар.

Лицо Су Чангэ стало неестественным. Кажется, он о чем-то подумал. Щеки порозовели.

Взгляд Мо Вэйшэня стал глубоким:

— О чем ты думаешь?

Его палец очертил ушную раковину Су Чангэ.

Даже его маленькое ушко покраснело.

Увидев такую чувствительную реакцию человека под собой, Мо Вэйшэнь ощутил глубокое удовлетворение:

— Ты ко мне чувствуешь влечение!

Су Чангэ закатил глаза. Ну конечно, любой взрослый мужчина утром, когда его так дразнят, даже если он святой, не выдержит.

— Отпусти сначала меня!

Давление ослабло. Су Чангэ поднялся, но тут же был сильно притянут к себе, подхвачан на руки и страстно, по-хозяйски поцелован. Умело раздвинув его зубы, когда Су Чангэ очнулся, было уже поздно. Этот человек в манере завоевателя занял территорию его рта, а затем заставил его язык танцевать вместе со своим.

Отбирая кислород, от тела шло ощущение удушья. Сопротивление его ослабевало, голова стала пустой.

Не зная, сколько времени прошло, Мо Вэйшэнь закончил поцелуй. Су Чангэ был без сил, всем телом опираясь на него, тяжело дыша. Только что его сильно обижали, сейчас в глазах стояли слезы.

Он злобно посмотрел на виновника.

Но не знал, что этот взгляд заставил весь огонь Мо Вэйшэня мгновенно собраться в одной точке тела.

В голове Су Чангэ непрерывно раздавались сигналы опасности. Но после того поцелуя тело было вялым и слабым, и увернуться не получалось.

Горячее тело прижалось. Он даже почувствовал, как твердый предмет внизу упирается в его низ живота. Сразу понял, и лицо побледнело.

— Отпусти меня!

Мо Вэйшэнь никогда не был монахом. Теперь, когда такое лакомство было перед глазами, разве он откажется от него?

Сила Су Чангэ для него была как попытка ребенка вырваться.

— Ты тоже любишь меня, не так ли? — Мо Вэйшэнь обнимал его, в голосе слышалась жесткость. Ему правда хотелось разорвать его на части и смешаться с ним в одно целое.

Су Чангэ нахмурился:

— Ты зазвал меня переехать ради этого? Помог моим родителям, чтобы я был тебе должен? Какой хороший план. Не зря в деловых кругах, когда упоминают твое имя, все поднимают большой палец! — на лбу у Су Чангэ выступил пот. Нужно было заставить себя успокоиться. Иначе этот парень точно съест его, не оставив даже косточек! Да, от него веяло звериным дыханием.

Оно вызывало непонятный страх.

Су Чангэ посмотрел ему в глаза:

— Или в прошлый раз я оставил недостаточно денег за ночь? Мо-шао не в духе?

Мо Вэйшэнь увидел, что в глубине его глаз промелькнул холод. Тело его дрогнуло. Волна холода поднялась из сердца:

— Су! Чан! Гэ!

Он же старший сын семьи Мо, каких только красавцев и красавиц он не получал, если хотел! Но этот человек для него был другим. Поэтому он и тратил столько сил, чтобы оставить его рядом.

Но этот парень!

Только что эти две фразы унизили его гордость.

Горячий взгляд дюйм за дюймом остывал:

— Принуждать людей — это не в моем стиле! — он отпустил этого парня.

Су Чангэ, сердце которого было на месте, выдохнул и, словно спасаясь бегством, быстро выбежал из комнаты. На этот раз его не остановили.

Но он все равно чувствовал, что холодный взгляд следует за ним.

Словно кошмар.

Взгляд Мо Вэйшэня становился все холоднее. Вернувшись в ванную, он принял холодный душ, чтобы успокоиться.

Холодная вода падала на тело. Такое унижение было впервые.

Его голос был мягким, но сквозило холодом, без прежней глубокой нежности:

— Су Чангэ, надеюсь, ты не пожалеешь! — в голосе тоже появилась безжалостность.

Хотелось, как люди, попробовать влюбиться, но оказалось, что это совсем не его стезя. Раз так, то будем поступать по-своему!

В его взгляде все чаще появлялись расчетливые нотки.

Холодный душ он принимал целый час, прежде чем вышел, укутавшись в полотенце.

Через час от имени Су Чангэ всем, кто ранее получал приглашения, отправили еще по одному. Сто приглашений. Менее чем через два часа все гурманы Города А узнали эту новость.

Имя Су Чангэ им было не в новинку. Тот прошлый ужин позволил присутствующим вдоволь насладиться трапезой, и даже всегда взыскательный Цао Юй не скупился на похвалы.

Те, кто бывал там, получили отличную тему для разговоров, а те, кто не был, всячески сокрушались. Жалели, что тогда не отнеслись к приглашению серьезно.

Теперь, узнав новость, все расцвели.